

Андрей Платонов

Оборона Семидворья

ФТМ

Андрей Платонов

Оборона Семидворья

«ФТМ»

1943

Платонов А. П.

Оборона Семидворья / А. П. Платонов — «ФТМ», 1943

ISBN 978-5-4467-0391-3

«– Вперед, ребята, смерти нет! – воскликнул старший лейтенант Агеев и поднял кулак в знак наступления. Ведущий поднялся с земли, с исходного положения, и, выставив левой рукой лопатку перед своим лицом, чтобы оградить его, побежал вперед. За ним вслед пошли бойцы подразделения...»

ISBN 978-5-4467-0391-3

© Платонов А. П., 1943

© ФТМ, 1943

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Андрей Платонов

Оборона Семидворья

I

– Вперед, ребята, смерти нет! – воскликнул старший лейтенант Агеев и поднял кулак в знак наступления.

Ведущий поднялся с земли, с исходного положения, и, выставив левой рукой лопатку перед своим лицом, чтобы оградить его, побежал вперед. За ним вслед пошли бойцы подразделения.

Командир роты Агеев остался с небольшим резервом на месте и наблюдал за ходом атаки. Огонь артиллерии шел накатом над головами и работал на опережение атакующей цепи, указывая и давая красноармейцам свободу движения вперед; но немцы все еще дышали встречным огнем.

– Ничего, сейчас они помрут и не воскреснут! – сказал старший лейтенант Агеев.

Прежде он был моряком, потом его спешили в составе морского экипажа, и он пошел воевать по степям и равнинам, не зная до сей поры ни ранения, ни смерти. Он был невелик ростом, но родители его родили, а земля вскормила столь прочным существом, что никакое острие нигде не могло войти в его твердо скрученные мышцы, – ни в руки, ни в ноги, ни в грудь, никуда. Пухлое лицо Агеева имело постоянное кроткое, доверчивое выражение, отчего он походил на переросшего младенца, хотя ему сравнялось уже двадцать пять лет; но маленькие карие глаза его, утонувшие под лбом, светились тлеющими искрами, тая за собою внимательный и незаметный разум, опытный, как у старика.

– Скажи этой «Былинке» – видят ли они точно моих людей! – сказал Агеев связисту Мокротягову. – Обрадовались и лупят. По-моему, хватит огня, либо пусть несут его дальше.

– Есть, – отозвался Мокротягов и стал звонить «Былинке» – артиллерии.

Но артиллеристы видели точно: они приподняли накат огня и работали теперь на отсечение противника от путей его отхода или от помощи, которую ему могут подать из ближнего резерва.

Из малой семидворной деревеньки, что надлежало занять Агееву, все еще клочкотали пулеметы врага, и атакующее подразделение начало зарываться в огородную почву на открытом, убойном месте, ослабев от потерь и желая передохнуть от гибели. До деревенской околицы бойцам осталось пройти всего метров сто, однако труден путь для живого сердца в этом невидимом, жалобно поющем потоке свинца.

Агеев понял положение.

– На последнем вздохе остановились! – сказал Агеев. – Чего они там залегли – помирать захотели?.. Пронять врага штыком до костей, где огонь его не достал!

– Едва ли, товарищ старший лейтенант, – там у нас не те люди, что зря ложатся, – ответил связист. – Они отдышку делают.

– Отдышку! – сказал Агеев. Он внимательно посмотрел на небо, где теплом восходил огонь и дым войны, и на опаленный изнемогший кустарник, росший здесь по земле, – на все, что жило и творилось сейчас в действительности.

Все вещества в раздельности существовали в природе, но из них можно было собрать и соединить любое нужное тело; равно и истина находилась сейчас где-то вблизи Агеева, в видимом мире, но она находилась в рассеянии и без пользы для человека, командиру же нужно было собрать эту истину в одно свое сознание, чтобы понять, как нужно одолеть противника. Суще-

ствует решение любого вопроса, но важно, чтобы это решение образовалось в одной голове; кто этого сделать не может, для того земля и небо бесполезны.

Агеев прилег к земле к телефонному ящику и взял трубку.

– «Былинка»! – закричал он артиллерии. – «Кирпич» говорит... Размышляйте о том, что видите! Вы огонь пускаете, а сами дремлете... Прошу точного взаимодействия: мое переднее подразделение не преодолевает встречного пулеметного огня и впилося в землю. Потушите немецкую свечку впереди моей головы! Вы видите их огонь. Приблизьте немного свой огонь к голове моих людей, дайте прямой удар – не жалейте стали, поберегите нашу кровь... Хорошо... есть!

Он положил трубку, но в аппарате прогудел вызов. Агеев послушал. С командного пункта пока спрашивали, что предполагает делать старший лейтенант.

– Взять эту семидворку – вот что я предполагаю! – ответил Агеев. – У меня всегда одно предположение – расклепать врага на части. Нет, батальонного резерва мне не нужно, у меня своего резерва достаточно для операции. Есть, понимаю... Выполню – и не любой ценой, а малой кровью, я дорого им не плачу, – они не те люди, а мы те! Я подымаю свой резерв!

У него в резерве было семь человек. Он посмотрел в сторону неприятеля; немецкий пулемет не истощался в работе и по-прежнему бил по земле огнем. Но на той земле лежали, вкапываясь в нее от смерти, старые товарищи Агеева.

Он помнил их неразлучным сердцем и с тревожной совестью следил за работой дивизионной артиллерии. Разрывы снарядов опорожняли землю возле самого немецкого пулеметного гнезда, но пулемет – с малыми перерывами на зарядку и охлаждение – все еще работал в спокойном терпении.

«Ишь ты, там тоже ничего сидят солдаты, – подумал Агеев. – Это, наверно, там погреб остался под сельской многолапкой».

Он приказал своим людям поодиночке обойти деревню с флангов и выйти на проселок, – с тем чтобы истребить там остаток врага на выходе. Мокротягову Агеев велел оставить пока свое связанное имущество на месте и поработать винтовкой и гранатой. И Мокротягов, согнувшись, пошел перелеском куда нужно, по ту сторону сотлевшей в огне русской деревни.

Другие бойцы тоже пошли раздельно по заданному направлению, сам же Агеев, оберегаясь, начал пробираться к своему залегшему подразделению.

Снаряд тяжело и замедленно прошел в воздухе, удаляясь на врага.

– Уважь меня! – попросил его Агеев. – Ишь, лодырь, как полетел: потихоньку! Ну, приноровись – и давай их в ключья!

Снаряд, словно послушавшись русского командира, рванул вверх прах в деревне и пресек дыхание неприятельского пулемета на его живом огне.

Агеев видел, как атакующая цепь, хранившая себя в земле, поднялась и пошла со штыками на последнее сокрушение врага.

Командир поспел в деревню к разделочному, завершающему бою, к рукопашной схватке. Немцев в живых еще оказалось штыков двадцать пять, сберегшихся в ямах и порушенных закутках крестьянского хозяйства. Агеев заметил одного пожилого немца, уползавшего бурьяном на выход из деревни; к нему наперерез бежал один наш боец с нацеленным штыком, но Агеев упредил его и первым вышел на немца. Враг поднялся на командира и замахнулся автоматом, потому что стрелять ему было уже тесно и некогда. Командир же вовсе не стал употреблять своего оружия – он кратко, с мгновенной мощью, опустил свой кулак на скулу противника, вложив в этот удар все свое сердце, и лицо врага из продольного стало враз поперечным, и он пал к земле с треснувшими костями головы.

Резерв Агеева не успел миновать деревни, чтобы выйти на проселок, и все люди резерва также сошлись с неприятелем в рукопашной. Из врагов на проселок не вышел никто, все они остались вековать в здешней сельской земле.

Бойцы собрались все вместе, чтобы отдышаться, и сели возле своего командира. Артиллерия была теперь далеко вперед, на предупреждение противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.